

Елена Арсеньева
ПРЕСТУПЛЕНИЯ
СТРАСТИ

*А*ЛЧНОСТЬ

Преступления страсти. Алчность

Елена Арсеньева

**Церковь на высоком берегу
(Александр Меншиков, Россия)**

«Автор»

2008

Арсеньева Е. А.

Церковь на высоком берегу (Александр Меншиков, Россия) /
Е. А. Арсеньева — «Автор», 2008 — (Преступления страсти.
Алчность)

ISBN 978-5-699-25612-9

Жажда богатства – одна из самых сильных человеческих страстей. И одна из самых опасных. Потому что чаще всего приводит того, кто встал на путь наживы, к преступлению... Да, имена многих – к примеру, конкистадора Эрнандо Кортеса, обворожительной маркизы-отравительницы Мари-Мадлен де Бренвилье, пирата Генри Моргана, любимца Петра Великого Александра Даниловича Меншикова – записаны на скрижалях истории. Но эти люди шли к своему богатству по трупам, а потому их страдания не вызывают сострадания. Что, наверное, закономерно. Наверное...

ISBN 978-5-699-25612-9

© Арсеньева Е. А., 2008

© Автор, 2008

Содержание

(Александр Меншиков, Россия)	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Елена АРСЕНЬЕВА

ЦЕРКОВЬ НА ВЫСОКОМ БЕРЕГУ

(Александр Меншиков, Россия)

В октябрьский день 1729 года на высоком берегу сибирской реки Сосьвы, на самой окраине Березова, стоял высокий немолодой человек в простой крестьянской одежде и смотрел, как недавно взошедшее солнце красит лучами светлые, свежошкуренные бревна, из которых сложена новая церковь. Строительство ее было только что закончено, и можно сказать, что всю работу сделал этот человек сам. Ну разве что сын ему помогал через силу, да солдаты-охранники, да кое-кто из местных, русских поселенцев и самоедов¹, приобщился. Но больше всех старался он, и вот теперь, когда дело было завершено, он чувствовал и радость от окончания богоугодного труда, и некоторую растерянность (что делать дальше, чем жить теперь?), и тихий, даже от самого себя скрываемый страх. Потому что, еще когда только прибыл он в Березов, местная самоедская колдунья нагадала, что жить ему осталось немного – вот выстроит церковь, и тогда сразу... Церковь достроена, значит, и век измерен?

Впрочем, сейчас о таком возвышенном деле, как смерть, думать было особо некогда. Человека, стоящего на обрыве, влекли куда более земные заботы. Плотники пришли за расчетом, он должен отдать им обещанное копейка в копейку. Никак нельзя обжулить, когда речь о Божьем храме идет!

Он сунул руку в карман армяка и вынул малую горсть денег. Серебряные монеты редко попадались среди медяков. Он все их тщательно счел: вышло ровно, и больше у него ни копейки, ни грошика не оставалось. Сжал кулак – и вдруг усмешка мелькнула на его губах. В кулаке сейчас помещалось все богатство его – человека, который прежде не то что медяки и серебро – золото из горсти в горсть пересыпал, как дитя малое песочек, тысячи и десятки тысяч разбрасывал, не считая, а драгоценные камни в золото оправлял и не только на пальцы нанизывал, но и вместо пуговиц на камзоле нашивал. И ходил он тогда не в латаном, худом армячишке, а в шелках да бархатах, и волосы его были не седыми, не в скобку грубую остриженными, а прятались под шелковистым вороным париком, и лицо не скрывалось в усах и бородище, а было чисто выбрито. Он чуть не первым в России начал бриться, приноравливаясь под нравы Иноземной слободы, столь милые сердцу молодого государя Петра Алексеевича. Он и сам был молод, нет – юн тогда, этот человек, стоявший сейчас на берегу Сосьвы...

Тогда его звали просто – Алексашка, теперь кликали просто – Данилычем, и между двумя прозваниями как-то незаметно укладывалась иная жизнь, в которой его звали Александром Даниловичем Меншиковым. А титулов у него имелось чуть ли не больше, чем монет зажато сейчас в кулаке: «Светлейший Святого Римского и Российского государства князь и герцог Ижорский; в Дубровне, Горы-Горках и в Почепе граф, наследный господин Аринбургский и Батуринский; его императорского величества всероссийского над войсками командующий генералиссимус, верховный тайный действительный советник, государственной Военной коллегии президент, генерал-губернатор губернии Санкт-Петербургской, подполковник Преображенской лейб-гвардии, полковник над тремя полками, капитан компании бомбардирской, от флота всероссийского вице-адмирал белого флага, кавалер орденов Святого апостола Андрея, датского Слона, польского Белого и прусского Черного Орлов и святого Александра Невского кавалер...»

¹ В старину самоедами (самоедами) называли все без разбора северные туземные народности.

Данилыч только головой покачал, вспомнив батюшку своего, спившегося плотника. Вот подивился бы, услышав сие чинопочитание! Небось и не поверил бы, что речь о родном сыне идет. А еще больше озадачился бы, узнав, что, оказывается, ведет род свой от неких польских шляхтичей, некогда переехавших в Россию. Такую байку запустил Александр Данилыч, когда метил в герцоги Курляндские. Происхождение свое от Александра Невского или еще кого-то из столпов земли Русской он никак исчислить не мог, хоть наизнанку вывернись, а вот изыскать среди поляков свои корни шляхетские, то есть дворянские, кое-как можно было исхитриться. Жалованное царем княжеское достоинство – дело хорошее, однако неплохо бы и соломки подстелить...

А впрочем, со слабой улыбкой подумал Данилыч, ничто, никакое безродство никогда не мешало ему в жизни. Он был первым подле государя во всех его делах, он был первым во всяком бою, во всякой учебе и стройке, затеваемых Петром. Алексашка даже первым опробовал обеих его самых любимых женщин – Анну Монс и государыню Екатерину, ныне покойную, некогда звавшуюся Мартой Скавронской... Он был первым и в приятнейшем деле насыщения своей алчности, которая в нем зародилась и разрослась на тех должностях, куда он был щедро назначаем своим другом-государем. Богатство само липло к его рукам... ну а когда не липло, Алексашка умел взять его силой, хитростью, наглостью – тут уж ему не было равных!

* * *

На театре русской истории полным-полно действующих лиц, исторические роли которых могут быть изображены как мрачно-черной, так и сияюще-белой краской. Взять хоть князя Владимира, святого и грешного, да и великого государя Ивана Васильевича Грозного, да того же Петра! Таким же был и Александр Данилович Меншиков.

Службу он начал с 1686 года денщиком молодого Петра, а попал к нему от верного друга Франца Лефорта. Предполагалось, что Алексашка – долгие годы его другим именем никто и не называл! – станет просто ушами и глазами пронырливого немца в царских покоях, однако Лефорт, как высоко ни ценил веселого, смышленного молодца, все же и сам удивлялся, сколь высоко взлетел тот через самое малое время. Петр не мог не оценить исключительные дарования и усердие Алексашки. Он был словно зеркалом молодого государя – зеркалом, в котором отражались все его наилучшие и наихудшие качества. Однако это зеркало, даже отражая худшее, вселяло в Петра не уныние, а бодрость, заставляло идти дальше в своей государственной деятельности, непохожей на все предыдущие, искать новые пути и средства, а если надо – брать их с бою. И в том Алексашка тоже был рядом с царем, если надо – даже и впереди.

Помогал ему в создании «потешных» войск в селе Преображенском (значился бомбардиром Преображенского полка, где Петр являлся капитаном), участвовал в потешных маневрах, поездках на Плещеево озеро и в Архангельск. Боевое крещение Алексашка получил во время Азовских походов (1695 и 1696 годы) против Турции. С исключительным мужеством и отвагой бился на стенах сильнейшей вражеской крепости Азов. Спустя год сопровождал Петра в Западную Европу, вместе с ним учился кораблестроению на голландских и английских верфях, осваивал основы дипломатии, находясь в составе «Великого посольства».

Все двадцать лет Северной войны (1700—1721) Алексашка почти безотлучно находился там, где велись боевые действия. При кровопролитном штурме неприступной шведской крепости Нотебург (Шлиссельбург) он одним из первых ворвался на стены. За мужество, проявленное в сражении, был пожалован чином шлиссельбургского коменданта и в том же году получил графский титул. Заодно с генерал-фельдмаршалом Борисом Шереметевым Алексашка – впрочем, к тому времени его уже остерегались так называть, только сам Петр мог, – руководил осадой крепости Ниеншанц на Неве. Когда крепость сдалась и была переименована Петром I в Шлотбург, ее комендантом царь назначил Меншикова. Спустя несколько дней на лодках

с отрядом гвардейцев Петр и Меншиков в жарком абордажном бою захватили два шведских военных корабля в устье Невы. В честь этой победы была выбита знаменитая медаль «Небываемое бывает», а царь и Алексашка стали кавалерами первого (и впоследствии – высшего) российского ордена – Святого Андрея Первозванного.

16 мая 1703 года Александр Данилыч участвовал в закладке крепости Санкт-Петербург («Санкт Питер бурх»), ставшей через несколько лет столицей России, и вскоре сделался ее генерал-губернатором, а также – губернатором возвращенной от шведов Ингерманландии (Ижорской земли). Вскоре ему привелось участвовать во второй осаде и штурме Нарвы: под стенами крепости «разыграли» сражение между русскими и шведскими войсками, чтобы выманить часть гарнизона Нарвы на подмогу «своим», так вот «шведами» командовал царь, а русскими – Меншиков. Хитрость удалась, и после взятия крепости он был назначен генерал-губернатором «наровских и всех завоеванных земель».

Александр Данилыч мужественно руководил обороной Санкт-Петербурга от шведского флота в мае—июне 1704 года, за что был пожалован генерал-поручиком. Спустя год Петр направил своего ближайшего сподвижника во главе кавалерийского корпуса на помощь союзнику – польскому королю и саксонскому курфюрсту Августу II Сильному. За победу над шведским ставленником Станиславом Лещинским Август II наградил Меншикова высшим польским орденом Белого Орла, а император Священной Римской империи Леопольд I пожаловал его, по просьбе Петра, княжеским титулом. Теперь Алексашка именовался – светлейший князь...

Храбрость его и военная изобретательность были изумительны. Под Гродно 40-тысячной русской армии угрожало окружение превосходящими силами Карла XII – светлейший вывел ее из окружения и спас. Он руководил строительством Печерской крепости в Киеве для обороны города от шведских войск, командовал русской кавалерией в Польше.

Он успевал везде и всюду, нигде не зная поражений. Возглавил лихую кавалерийскую атаку в сражении при Калише, увенчавшемся блестящей победой русских войск, за что был награжден драгоценной тростью, изготовленной по собственноручному чертежу Петра I. Ну а Август II подарил светлейшему князю местечко Оршу, откуда, по преданию, происходил род Меншикова (вернее, начал вдруг происходить, когда понадобились более «увесистые» предки, чем батюшка-плотник).

Впрочем, ценил его Петр не за этих выдуманных предков, а за неустрашимость и отвагу. В сражении у села Доброго (30 августа 1708 года) Меншиков командовал кавалерией, действия которой, по сути, обеспечили победу над шведами. Он вел авангард корволанта² в сражении у деревни Лесной и уничтожил 16-тысячный корпус под командованием Левенгаупта, шедший с огромным обозом (10—12 тысяч подвод) на соединение с армией Карла XII. Петр назвал битву при Лесной «матерью Полтавской победы» – значит, во многом «отцом» ее был Меншиков.

2 ноября 1708 года войска под командованием Меншикова штурмом взяли Батурин – резиденцию гетмана Левобережной Украины, предателя Мазепы, перешедшего на сторону Карла XII. Город был сожжен. Двигала Меншиковым отнюдь не только месть и жестокость по отношению к предателям: Батурин был фактически огромным складом, и после его уничтожения шведы лишились огромных запасов продовольствия, фуража и боеприпасов накануне суровой зимы.

В Полтавской баталии, решившей судьбу Северной войны и России, светлейший князь, как всегда, командовал кавалерией и находился в самой гуще боя, под ним было убито три лошади. Армия Карла XII бежала, Меншиков и генерал князь Михаил Голицын во главе кавалерийских отрядов догнали шведов у местечка Переволочны и принудили сильнейшую в Европе армию к капитуляции без единого выстрела. Александр Данилович сообщал в своем

² Корволант – летучий отряд, сформированный из драгун и пехотинцев, посаженных на лошадей.

донесении царю: «Бегущего от нас неприятеля здесь мы настигли, и только что сам король с изменником Мазепой в малых людях уходом спаслись, а остальных шведов всех живьем на аккорд в полон побрали, которых будет числом около десяти тысяч, между которыми генерал Левенгаупт и генерал-майор Крейц. Пушки, всю амунисию тоже взял». Фактически в плену оказалось более 16 тысяч шведов. За Полтаву Меншиков был удостоен чина генерал-фельд-маршала. При торжественном въезде Петра в Москву 21 декабря 1709 года Александр Данилович находился по правую руку царя, что подчеркивало его исключительные заслуги и исключительное расположение к нему Петра.

Петр во многих военных вопросах полностью доверял интуиции и прозорливому, расчетливому уму своего фаворита и сподвижника, поэтому почти все распоряжения, которые царь рассылал войскам, проходили сначала через руки Меншикова. Можно сказать, он был у Петра как бы начальником генштаба: царь подавал идею – Меншиков находил способы воплотить ее в дело, причем его быстрые и решительные действия вполне соответствовали кипучей энергии Петра. Не зря царь называл его «дитя моего сердца»!

Казалось, все его действия обречены на удачу...

В апреле—июне 1710 года он организовал осаду крупнейшего торгового порта Шведского королевства – Риги, и крепость через месяц сдалась. Во время военной кампании в Прибалтике и Прутского похода Меншиков управлял Санкт-Петербургом и губернией, руководил строительством военно-морского флота и высшим органом государственного управления – Сенатом.

В 1712 – 1713 годах вновь пришлось участвовать в войне, на сей раз – за пределами России. Меншиков командовал русскими войсками в Померании (Северная Германия) и в союзе с датско-саксонскими войсками взял шведские крепости Штральзунд и Штеттин, за что был награжден высшим датским орденом Белого Слона и высшим прусским орденом Черного Орла.

Следующие годы, до смерти государя в 1725-м, Меншиков занимался государственной деятельностью, строительством и благоустройством новой столицы, укреплением и оснащением российского Балтийского флота, ставшего в Петровскую эпоху одним из сильнейших в Европе. В 1719 году светлейший князь был назначен президентом Военной коллегии (это соответствует чину военного министра, в качестве президента Военной коллегии он отвечал за состояние и приумножение всех вооруженных сил России). После заключения Ништадтского мирного договора со Швецией (1721 г.) Меншиков был пожалован чином вице-адмирала.

Это был человек воистину незаурядный. В Меншикове сочетались талант военачальника и хватка предпринимателя. Он основал немало заводов, приносивших огромную пользу государству (и немалый доход самому князю, а как же без этого!). Он учреждал торговые компании, заботился о привилегиях для российских купцов в европейских державах, держась при этом курса: «Меньше покупать за границей, а больше – продавать». Именно Меншиков одним из первых в России стал создавать предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья и полезных ископаемых.

И все же во многом он оставался тем же Алексашкой, который когда-то совал за щеку утаенную от отца монетку. Он обогащался где мог и как мог, и алчность его росла прямо пропорционально тем невероятным возможностям, которые открывались для ее насыщения. Другое дело, что насытить ее было совершенно невозможно. Есть такая пословица – брюхо добра не помнит. А римский философ Саллюстий аналогичным образом выразился и об алчности: «Алчность всегда безгранична, ненасытна и не уменьшается ни при изобилии, ни при скудости. Богатство не уменьшает алчности».

Древние философы вообще знали толк в алчности и умели сказать так, что слова их оставались в веках. «Деньги ведь что еж, которого легко словить, но непросто удержать», –

писал Клавдий Элиан. И ему вторил Публилий Сир: «Жадного деньги возбуждают, а не насыщают».

Меншиков являлся живой иллюстрацией к этим мудрым изречениям...

Он по праву считался одним из богатейших людей России. После победы при Полтаве в его владение были переданы города Почеп и Ямполь, увеличившие число его крепостных на 43 тысячи душ мужского пола. Теперь он стал вторым после царя душевладельцем в России. Меншиков пополнял свое состояние где мог и как мог – военными трофеями, огромными доходами с вотчин, предпринимательством (кирпичное производство, хрустальный завод, винокурение и т.д.), казенными подрядами – не брезгуя взяточничеством и воровством государственных средств.

В 1711 году Петр впервые узнал о злоупотреблениях Меншикова. Тот был публично бит по физиономии, но, конечно, это его не остановило. Утерся – и продолжал свое! Три года спустя назначена была, по доносам, особая следственная комиссия. И с тех пор она работала по делам Меншикова практически постоянно. Были годы, когда он беспрестанно находился под следствием, но его спасало покровительство Петра I, нуждавшегося в деятельном и верном сподвижнике, ну и расположение Екатерины, с его помощью познакомившейся с Петром и испытывавшей благодарность Александру Даниловичу всю жизнь. Она заступалась за старинного друга от всей души, всеми средствами!

Лишь благодаря снисходительности Петра Александр Данилыч отделялся выплатой крупных штрафов. «Где дело идет о жизни или чести человека, то правосудие требует взвесить на весах беспристрастия как преступления его, так и заслуги, оказанные им отечеству и государю, – писал Петр, – а он мне и впредь нужен».

Ну что ж, Меншиков продолжал увеличивать свое состояние всеми мыслимыми и немыслимыми способами. Не довольствуясь взятками с многочисленных просителей, которые обивали его пороги (в защиту его можно, впрочем, сказать, что ему несли и несли, беспрестанно искушая этими подношениями, ну он и искушался охотно... чтобы никого не обидеть), Меншиков брал свою долю с грабежа имений польской шляхты, отнимал земли у смежных с его именными помещиков. И конечно, обкрадывал казну на всевозможных подрядах.

Лишь к концу царствования Петра, после того, как бурная страсть Екатерины к Виллиму Монсу подорвала доверие царя к Екатерине и ко всем, кому она покровительствовала (Петр безосновательно подозревал Александра Даниловича в сводничестве), Меншиков подвергся серьезной опасности, будучи вновь уличенным в злоупотреблениях. Но судьба распорядилась так, что вскоре Петр умер... и его смерть открыла Меншикову дорогу к еще большей власти.

Не странно ли, что именно на этой дороге, усыпанной, чудилось, алмазами и золотом, уставленной сплошными триумфальными арками, он набрел на ту яму, куда и рухнул с оглушительным грохотом?

Умирая, Петр начертал слабеющей рукой: «Отдайте всё...» – и перо выпало из его рук. Император покинул мир сей, оставив семью и приближенных разгадывать эту загадку. Более всех разгадкой ее был озабочен Меншиков. И это понятно. В прежнем завещании наследницей была названа Екатерина, но после гадкой истории с Монсом Петр то завещание разорвал. Кого же он имел в виду теперь? Жену, которой возвращал милость? Старшую дочь Анну, которую больше всех любил? Младшую Елизавету? Или жалконького мальчишку, внука своего, сына царевича Алексея, тоже Петра, который воспитывался где-то на задворках дворца?

Эх, кабы Екатерина была названа в завещании... Александр Данилович знал: это все равно что он сам вззошел бы на престол. «Отдать всё» любой из царевен – значит немедля свалиться в опалу. Девушки его терпеть не могли – слишком уж своеволен, шапку перед ними не ломает, потому что отлично помнит – именно ему была обязана матушка возведением на престол. Этого чванства дочери рижской прачки и солдатской потаскухи, искренне считавшие

себя достойными российского трона, Меншикову простить не могли. Теперь-то, когда перед которой-нибудь из них, очень возможно, забрезжили корона и скипетр, Меншиков призадумался, что, может, и зря он так, вот уж где стоило соломки подстелить... Но сделанного не воротишь, можно лишь подсуетиться и девиц куда-нито девать. А куда можно девать девиц, как не выдать замуж? У Анны имелся уж сговоренный Гольштейн-Готторпский герцог Карл-Фридрих – следовало ускорить свадьбу и спровадить старшую царевну за пределы России. А для младшей поскорей подыскать жениха: или во Франции, или среди каких-нибудь прусских герцогов.

И уж совсем худо будет, если возьмут верх приверженцы старины, которые спят и видят возвести на трон «жалконького мальчишку» Петра. Не могут позабыть, что отец его, царевич Алексей, погибший в застенках Шлиссельбурга, и мать, царица Евдокия, в монастырь заточенная, мечтали повернуть Россию на прежний путь. В таком случае, знал Меншиков, и ему, и богатству его придет бесславный конец. Либо сошлют куда Макар телят не гонял, либо вовсе голову снесут. А добро его расхитят новые временщики... Для них, что ли, наживал?!

Действовать нужно было незамедлительно. Так он и поступил. Последние минуты государя истекли в пять часов 28 января 1725 года. В это время при Екатерине находились Меншиков и Иван Бутурлин, полковник дворцовой гвардии. В восемь во дворце собрались члены Сената и Синода – так называемый генералитет. Никогда еще эти господа не являлись во дворец, столь исполненные сознания собственного величия. Ведь им предстояло избрать нового императора. Или императрицу...

Сначала предложили наследником малолетнего Петра Алексеевича – при регентстве Сената и Екатерины. Нашлись те, кто напомнил, какие тяжкие воспоминания оставило регентство Софьи при начале нынешнего царствования. Вспомнили, что в России, вообще-то, есть коронованная императрица. Может, отдать ей престол и не мучиться? Тут же добавили: правда, Петр лишил ее престолонаследия... В разгар спора обратили внимание на группу офицеров, которые невесть что делали на столь высоком собрании. На них сурово прикрикнули. Меншиков подал незаметный знак Бутурлину, тот подошел к окну, взмахнул рукой – оттуда раздался барабанный бой. Во всех дверях появились гвардейцы. Стало известно, что дворец занят гвардией.

– Я получил приказ от ее величества императрицы! – заявил Бутурлин в ответ на возмущенные крики собравшихся.

Со двора, где стояла гвардия, неслись другие крики. Смысл их заключался в том, что солдаты и офицеры готовы были изрубить в куски каждого, кто откажется признать императрицей Екатерину.

– Ну что ж, – поспешно произнес адмирал Апраксин, – идем выражать наши верноподданнические чувства императрице.

В самом деле, больше ничего не оставалось. И господа верховники отправились в палаты Екатерины.

Алексей Григорьевич Долгорукий бросил мстительный взгляд на Меншикова, ничуть не сомневаясь, чьих рук это дело. Впрочем, в этом никто не сомневался, а потому никто и не удивился, что в момент принятия присяги Александр Данилович находился рядом с троном.

Екатерина даже и не пыталась разбираться в тонкостях правления, она лишь номинально восседала на троне. Меншиков же делал то, что привык делать, когда Петр, к примеру, уезжал, оставляя власть своему фавориту.

Это и прежде многим не нравилось, теперь же – еще больше. Не было Петра, его железной воли; авторитета Екатерины явно недоставало, чтобы беспрестанно защищать Меншикова. Герцог Голштинский был люто недоволен. Вокруг него группировались Голицыны и Долгорукие, которые мечтали о правлении Сената... ими возглавляемого. Тогда Меншиков, предчувствуя взрыв возмущения и возможный военный переворот, издал указ (за подписью Екате-

рины, конечно, но все знали, кто водил ее рукой!) об учреждении Верховного Тайного Совета из девяти человек. Именно Совет отныне брал в руки самые важные государственные дела, как внутренние, так и внешние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.